

Митрополит
Антоний
Сурожский

Беседы на Евангелие от Марка

4-е издание

Антоний Сурожский

Беседы на Евангелие от Марка

«Никея»

2018

УДК 24
ББК 86.372

Сурожский А.

Беседы на Евангелие от Марка / А. Сурожский — «Никея», 2018

ISBN 978-5-91761-870-8

В эту книгу вошли беседы митрополита Антония Сурожского на первые главы Евангелия от Марка. Слова владыки – это не просто толкование новозаветного рассказа, но опыт переживания евангельских событий и личной встречи со Христом. Выражаем признательность Алене Кожевниковой, благодаря которой беседы прозвучали в эфире радио «Свобода», за согласие на их издание.

УДК 24
ББК 86.372

ISBN 978-5-91761-870-8

© Сурожский А., 2018
© Никея, 2018

Содержание

Предисловие	6
Введение. Как читать Евангелие?	7
Глава 1. Евангелия от Марка	11
«Я возвещаю вам великую радость»[2]	11
Зачем Христу креститься?	18
Искушение силой, властью и чудом	20
Иоанн Креститель: не ошибся ли я?	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

митрополит Антоний Сурожский

Беседы на Евангелие от Марка

© Metropolitan Anthony of Sourozh Foundation, 2013

© ООО ТД «Никея», 2018

Предисловие

Идея записать цикл бесед «Размышляя над Евангелием» принадлежит самому митрополиту Антонию. Когда в Москве открылось бюро радио «Свобода», еженедельная религиозная программа «Не хлебом единым» вместе со мной (как соавтором и ведущей) переехала из Лондона в Москву. До того мы с владыкой обсуждали, как вести передачу с нового места и как строить ее формат. И тут митрополит Антоний мне сказал: «Знаешь, я давно хотел провести цикл бесед по Евангелию от Марка – оно ведь мне особенно дорого». Сказано – сделано, и мы приступили. К сожалению, какое-то время спустя руководители радио «Свобода» решили, что в новой России, где Церковь больше не гонима, наша православная религиозная программа уже не нужна...

Перед вами все, что мы успели записать. В этих словах звучит бесконечная мудрость и светлое человеколюбие митрополита Антония. Перечитав эти беседы сейчас, я вдруг поняла, насколько схож был владыка с апостолом Марком. Подумайте сами: евангелист Марк знал, видел и слышал Иисуса Христа. Так как и Матфей и Лука берут Евангелие от Марка как основу, очевидно, что это лаконичное, спокойно-суровое, лишённое украшений и патетики Евангелие было признано ими как документально-достоверное. Оно самое короткое из Евангелий, но в нем одном, например, описан не отраженный в остальных Евангелиях случай: когда после Тайной Вечери Иисус Христос вывел своих учеников в Гефсиманский сад, один юноша, завернувшись по нагому телу в покрывало, следовал за Ним; и воины схватили его. Но он, оставив покрывало, нагой убежал от них (см.: Мк. 14: 51-52). Есть предположение, что Тайная Вечеря была в доме матери Марка и что он, будучи очень юным – 12-13 лет, – прислуживал, поскольку было нежелательно присутствие слуг. Из Послания апостола Павла к Колоссянам известно, что Марк был племянником апостола Варнавы. В Деяниях святых апостолов и Посланиях апостола Павла во многих местах мы находим упоминания о Марке. Очень часто в Новом Завете подчеркивается, что Марк НУЖЕН. Нужен он апостолу Варнаве, нужен апостолу Петру, нужен апостолу Павлу.

И невольно приходит понимание, что владыка Антоний примечателен тем, что он всем всегда был НУЖЕН и он никому никогда не отказывал в совете и поддержке, в радости и в горе. Он продолжает и сейчас быть всем нам НУЖЕН и не отказывает нам никогда.

Алена Кожевникова, в прошлом соавтор и ведущая программы «Не хлебом единым» на радио «Свобода»

Введение. Как читать Евангелие?

Мы начинаем серию бесед о Евангелии от Марка. Можно поставить вопрос о том, почему я выбрал именно это Евангелие. Выбрал я его по очень личной причине. Я стал верующим, встретившись именно с этим Евангелием; и это не случайно. Если бы я взялся читать Евангелие от Матфея, которое было обращено к иудеям, верующим евреям того времени, или Евангелие от Иоанна, которое очень глубоко погружено в философскую, в богословскую мысль, я, вероятно, не понял бы их (мне тогда было четырнадцать лет). А Евангелие от Марка было написано учеником апостола Петра именно для таких молодых людей, молодых дикарей, каким я был в то время, написано для того, чтобы дать представление об учении Христа и о Его личности тем молодым людям, которым больше всего это было нужно. И поэтому я выбрал сейчас это Евангелие. Оно написано коротко, сильно и, надеюсь, дойдет до души других людей, так же как оно перевернуло мою душу и преобразило мою жизнь.

Раньше чем приступить к самому Евангелию, я хочу, во-первых, сказать кое-что о евангелисте Марке: ведь когда имеешь беседу с живым человеком, конечно, хочется узнать, кто он, что он говорит, почему его слушают; а во-вторых, сказать о том, как читать Евангелие и как его изучать.

Евангелие от Марка является, насколько известно, самым ранним из четырех Евангелий и было, по всей вероятности, написано в Риме около 70 года по Рождестве Христовом. Писалось оно для христиан из язычников. Это видно из того, что в нем мало ссылок на еврейский закон и на Ветхий Завет, зато даются пояснения о значении еврейских слов и обычаев. Слог евангелиста Марка замечательно живой и графический. У него, например, часто встречается выражение «тотчас» или «немедленно». Интересно заметить массу мелких деталей, сообщенных этим евангелистом. Это ясно показывает, что Марк получил сведения из первых рук, от очевидца, по всей вероятности – от апостола Петра. Трудно допустить, чтобы можно было сочинить такой детальный, трезвый, чистосердечный рассказ; он носит на себе печать правды, в нем все более и более убеждаешься по мере его изучения.

Хочу дать и некоторые практические советы. Ведь очень важно, приступая к делу, знать возможно лучше, как это дело выполнить. Сначала укажу, как читать Евангелие, по возможности, в одиночку, самостоятельно, а затем попробую указать способ дискуссий и изучения Евангелия в группе. Конечно, я буду принимать в расчет и то, что у многих людей Евангелия в руках нет, и поэтому я буду вычитывать разные отрывки из Евангелия раньше, чем давать какой бы то ни было комментарий.

Первое условие для извлечения действительной пользы от последовательного чтения Евангелия – это, конечно, честное отношение к делу, т. е. надо к нему приступить с такой же честностью, добросовестностью, с которой человек приступает к изучению какой-либо науки: без предвзятых взглядов, стараясь понять, о чем идет речь, что тут сказано, и только потом отозваться на то, что было услышано или прочитано. Поэтому необходимо приступить к чтению Евангелия с единственным желанием – открыть истину, понять, что там сказано. И во-вторых, отнестись к этому занятию столь же серьезно и добросовестно, как должно относиться ко всякому научному делу.

Читая Евангелие так, с честностью, с открытостью, непредвзято, мы непременно наткнемся на места, которые по-разному отзываются в нашей душе. Некоторые места остаются непонятными, чуждыми, – мы можем их принять к сведению и пройти мимо, читать дальше, ожидая момента, когда мы дорастем до того, чтобы их лучше понять. Другие места у нас могут вызвать отказ: «Я не согласен с этим, это неприемлемо для меня». Надо и это принять к сведению: значит, я не созвучен Евангелию в каком-то отношении. И наконец, будут такие места, на которые я смогу отозваться всем сердцем, всей душой, от которых взволнуется все мое

нутро, места, которые мне покажутся такими прекрасными, такими значительными, о которых хочется сказать: «Боже, как это хорошо!» Знайте, что если такое место есть, это говорит о том, что вы и Бог единокровны, что, вчитываясь в это место, вы вчитались в глубины Божии, вы познали Бога, вы знаете, каковы Его мысли, каковы Его чувства, каково Его отношение к тем или другим предметам. Но одновременно вы обнаружили какую-то глубину в себе, о которой не имели никакого представления. Это глубина, в которой мы и Бог **заодно**, мы друг друга понимаем, мы друг друга любим, мы друг другу созвучны. Мы одновременно и себя открыли по-новому, и Бога начинаем знать и понимать. Вот первое условие для чтения Евангелия: готовность честно, открыто, без страха отозваться на что бы то ни было, что дойдет до нашего сознания, что зажжет нашу душу радостью, восторгом и побудит нас не только созерцать красоту, но и осуществлять то, что мы обнаружили в Боге, в себе через Евангелие.

Далее, чтобы какую-то пользу получить от чтения Евангелия, нужна выдержка и последовательность. Тот, кто прочтет отрывок и решит: «Этот отрывок мне ничего не сказал, он до меня не дошел, стоит ли вообще дальше читать?» – никогда не дойдет до того места, где слова из сердца Божия найдут отклик в его собственном сердце.

Надо быть готовым, как я сказал вначале, к тому, что некоторые места окажутся нам чуждыми, некоторые заденут нас как-то болезненно и лишь немногие дойдут до нас глубоко. Но, вчитываясь в Евангелие, вдумываясь в то, что мы слышали, как бы мы ни отнеслись к этому, мы постепенно вспахиваем свою душу для нового понимания. Есть место в Евангелии, где сказано, что когда сеятель бросает семя на землю, то одно падает на дорогу, другое – в кусты придорожные, какое-то – на каменную почву и, наконец, некоторое – на добрую почву, способную принести плод¹. Каждый из нас является в каждый момент либо тем, либо другим – либо каменной дорогой, либо такой почвой, которая может принять Евангелие. И поэтому если сегодня ничего не получилось из чтения, если все проходило мимо, если была рассеянность, если была неспособность глубоко вчитаться – вчитайся завтра, вчитайся послезавтра: в какой-то момент вдруг окажется, что на самом-то деле семя упало на добрую почву, но упало в такую глубину, которая еще не позволяет тебе заметить, как прорастает травинка. Лишь спустя какое-то время ты увидишь, что то, что тебе казалось чуждым, непонятным, вдруг начинает прорастать; зеленеет луг, начинается подниматься жатва. Это первое.

Второе: надо вникать в смысл Евангелия, т. е. удостовериться в том, что, когда ты его читаешь, ты понимаешь то, что сказано. Если что-то непонятно, если, например, слова чуждые, устарелые, надо самому задуматься, или посмотреть в словарь, или кого-то спросить, лишь бы только установить точное значение этих слов, потому что от того, как глубоко ты понимаешь слово, зависит, доходит ли оно до тебя глубоко или воспринимается поверхностно.

Надо читать Евангелие регулярно. Лучше всего читать его утром, когда еще мысли не рассеяны. Но начинать читать Евангелие надо не просто взяв книгу, сев и ожидая, что ты сразу откроешься. Надо стать перед Богом и сказать: «Господи, я сейчас буду читать Евангелие, в котором рассказывается о жизни Господа нашего, Спасителя Иисуса Христа. Каждое Его слово – это слово из вечности, это Божие слово, обращенное ко мне лично. Благослови меня, помоги мне умом открыться, сердцем быть чутким, помоги быть бесстрашным. Потому что я непременно набреду на такие места, которые будут требовать перемены моей жизни, перемены моего отношения к людям, к себе самому, и мне будет страшно этой перемены. Помоги мне стать мужественным, дерзновенным, но и мудрым».

И наконец, Евангелие надо, конечно, читать не торопясь. И хорошую книгу читаешь не торопясь, и друга своего слушаешь внимательно, не ожидая, чтобы он кончил говорить и ушел. Так же надо относиться и к Спасителю Христу, Который теперь стоит перед тобой и с тобой лично говорит, делится с тобой Своими мыслями, чувствами. Он тебя зовет к новой жизни,

¹ См.: Лк. 8: 5-15.

которую Он знает опытно и которая является вечной жизнью уже теперь, во времени и на земле. Читать надо неспешно; не важно, прочтешь ли ты отрывок большой или маленький, займет ли это много времени или нет. Когда мы читаем, например, стихи или увлекающую нас книгу, как мы медленно по ней идем, как мы вслушиваемся в каждое слово, как мы слышим ритм и звучность! Так надо читать Евангелие. Говорит Бог; неужели мы Ему скажем: «Говори скорей, потому что у меня другие дела»? Нет, побудь с Богом.

И раньше чем отойти, раньше чем вернуться к обычному делу, остановись, не читай больше, не думай больше ни о чем, а сядь и помолчи. Помолчи хоть пять минут, помолчи в тишине, вслушайся в ту тишину, которая заполняет твою комнату, которая заполняет, может быть, твой ум и душу, вслушайся, а потом встань и скажи: «Господи, благослови меня теперь войти в новый день, который до этого никогда не существовал, который, как белоснежная равнина, лежит передо мной. Дай мне вступить в эту равнину и проложить след, который не был бы кривой и недостойный ни меня, ни Тебя. Благослови меня! Ночью я спал, как будто был мертв, а теперь словно воскрес и вступаю в новую жизнь». И, сказав это, иди в жизнь.

Я сказал о том, что для меня значило Евангелие, когда впервые я его прочел, и какие плоды оно принесло в моей душе. Конечно, я не оказался способным жить достойно Евангелия, но вдохновляться им, ликовать о нем, считать, что это самая добрая, замечательная, дивная вещь, которую я когда-либо читал в своей жизни, я могу.

А теперь я хочу перейти к тому, как читать Евангелие сообща. И первый вопрос: надо ли читать сообща? Зачем нам вместе читать то, что относится ко мне так лично? Бог ведь говорит мне лично... Да, но Он говорит лично и всем другим, которые в Него верят и которые читают Евангелие или слышат его. Евангелие является благой вестью не только обо мне и для меня, но обо всех. Каждый из нас может воспринять тот же евангельский текст, одни и те же слова с равным вдохновением, но с более или менее глубоким пониманием. И поэтому надо вчитываться в Евангелие в одиночку, надо вдумываться, вживаться в него, как говорил святой Феофан Затворник, вчувствоваться в него, надо начать жить согласно ему; но вместе с тем надо помнить, что Евангелие дано нам всем и что каждый из нас, вслушиваясь, вдумываясь, вчитываясь, живя Евангелием, может понимать его с новой и новой глубиной. Поэтому очень важно, чтобы, где только есть такая возможность, люди собирались маленькими группами, читали Евангелие вместе и делились своим опытом понимания его.

Я уже сказал, что надо предварительно тот или другой отрывок самому прочесть и продумать и прочувствовать; но вместе с тем необходимо и делиться этим опытом – не для того, чтобы обогатить свой ум, а потому что, когда ты делишься тем, что является для тебя самым драгоценным, самым святым, самым животворящим, ты совершаешь дело любви; а все Евангелие от начала до конца говорит о любви, о том, как нас любит Бог и как мы должны любить друг друга и Его. Поэтому надо собираться небольшими группами, по четыре, пять, шесть, восемь человек, предварительно прочитав определенный отрывок, помолиться вместе, помолчать, как бы в молчании в собственную тишину или в ту тишину, которую составляет совместное молчание; молчать достаточно долго, чтобы молчание в нас глубоко проникло, и потом прочесть этот отрывок – негромко, внимательно, без драматичности, трезво, зная, что мы никогда не сможем слова Христовы произнести так, как Он их произносил, – и поэтому читать сдержанно, благоговейно. После этого помолчать немного, ожидая, пока кто-нибудь захочет что-то сказать. Надо дать время каждому отозваться. Тот, кто руководит этим собранием, должен быть готов, если никто сразу не ответит, поставить какой-нибудь вопрос. Именно – не давать ответы на те вопросы, которые, как ему кажется, зародились в душах других людей, а поставить вопрос, который зародился в его душе. Вот я прочел этот отрывок, я недоумеваю: как может быть, что Христос заповедует нам любить наших врагов и при этом говорит, что мы должны быть готовы оставить самых дорогих людей для того, чтобы последовать за Ним?.. Много таких мест есть, которые будут вызывать недоумение. И затем ждать: может, кто-нибудь, у кого есть опыт или

кто продумал это или прочел нечто на эту тему, сможет отозваться и сказать: «Знаешь, я, может быть, не все понимаю, но вот как я понимаю этот отрывок, вот как мне его объясняли, вот как его объясняет тот или другой духовный писатель». И так можно вместе вчитываться в Евангелие, помогая друг другу понять прочитанное, но также в конечном итоге поддерживая друг во друге решимость и готовность не только умом понимать, не только сердцем отзываться, но всей волей укрепляться в решимости жить согласно Евангелию – согласно тому, что каждому лично и вместе нам стало понятно в нем.

Вот если так приступить к чтению Евангелия, сообщая, то, как говорится в Писании, брат, братом укрепляемый, – как гора Сион, не подвинется вовек. Поддержка единомышленников, поддержка друзей, поддержка людей, которые на одном с тобой пути в Царство Божие, может оказать большую помощь, и от нее не надо отказываться. Значит, нужно вчитываться в Евангелие в одиночку, и с любовью делиться с другими своим пониманием, и из этого общения черпать силы жить.

Глава 1. Евангелия от Марка

«Я возвещаю вам великую радость»²

Теперь приступим к самому тексту. Евангелие от Марка начинается так:

Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божий, как написано у пророков: вот, Я посылаю Ангела Моего (т. е. вестника Моего. – М.А.) пред лицем Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою³. Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему⁴. Явился Иоанн, крестя в пустыне и проповедуя крещение покаяния для прощения грехов. И выходили к нему вся страна Иудейская и Иерусалимляне, и крестились от него все в реке Иордане, исповедуя грехи свои. Иоанн же носил одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих, и ел акриды и дикий мед. И проповедовал, говоря: идет за мною Сильнейший меня, у Которого я недостойн, наклонившись, развязать ремень обуви Его. Я крестил вас водою, а Он будет крестить вас Духом Святым (Мк. 1:1-8).

Вот об этом отрывке Евангелия я хочу сегодня с вами говорить. Но сначала: что значит само слово «Евангелие»? Евангелие – греческое слово, и означает оно «благая весть» – нечто новое и вместе с этим приносящее радость, новизну, жизнь. И тут мы сразу можем поставить себе вопрос. Если весть эта такая благая, в чем она заключается? В Евангелии от Марка об этом не говорится, но в Евангелии от Луки говорится следующее: *И сказал им [пастухам] Ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь* (Лк. 2: 10-11). Здесь ангел возвещает пастухам самое существо этой радости. Бог стал Человеком, и этот Человек, Который одновременно является Богом нашим, спасет всех людей от их бедственного состояния, от того, что мы называем грехом. К этому мы еще вернемся. Но в чем состоит новизна этой вести? Неужели до этого никто не надеялся, не ожидал, что рано или поздно случится нечто подобное, что разрешится горе, что всякая слеза утрется, что новая жизнь настанет? Да, действительно, об этом мечтали, и больше того: этого ожидали, потому что об этом неоднократно говорили ветхозаветные пророки. И Малахия, и Исайя, и Иеремия – все призывали ждать Того, Который сделает весь мир новым, но новизной не той, которая была изначально, при сотворении мира, а новизной, которая уже принадлежит будущему веку. Тогда произойдет обновление падшего человека, и вслед за ним, через него – обновление всей твари, пострадавшей через падение Адама, обновление нашей земли, когда не останется на ней ни следа зла, ни следа страдания и все будет сиять радостью и торжеством. В этом исполнение пророчеств Ветхого Завета о Мессии. В седьмой главе пророчества Исайи говорится о том, что родится от Девы Младенец, Который спасет мир⁵.

Но новизна не заключается только в том, что исполнилось наконец, хотя бы зачаточно, это обещание Божие; вместе с этим пришло в мир новое представление о Боге – не только как о Творце, как о Промыслителе, как о Хозяине жизни. Наш Бог – не только «Бог вдали».

² Все подзаголовки даны издателем.

³ См.: Мал. 3: 1.

⁴ См.: Ис. 40: 3.

⁵ См.: Ис. 7: 14-16.

Действительно, став человеком, воплотившись, Бог стал предельно нам близок. Он нам свой, Он нам родной. Он носит нашу плоть, у Него есть родословная. У Него есть земная судьба, у Него есть лик, лицо.

В Ветхом Завете нельзя было изображать Бога, потому что Он был неопишуем, но через воплощение Бог получил и облик человеческий, и имя человеческое. Во всем Он стал нам подобным, за исключением греха, – греха как оторванности от Бога, как исковерканности человеческого облика, как уродства. И еще: через воплощение мы вдруг обнаруживаем, что Бога можно не только бояться. Страх, конечно, бывает разный. Можно рабски бояться наказания; можно бояться как наемник, который не хочет потерять свой заработок или награду; можно бояться и по-сыновьи: как бы не огорчить любимого. Но и этого недостаточно. В воплощении Христа открылась как бы еще новая черта в Боге: это Бог, Которого мы можем *уважать*. Это слово звучит странно применительно к Богу, и я должен его разъяснить.

Большей частью люди себе представляют, что Бог сотворил мир, сотворил человека, не спрашивая его, хочет ли он существовать или нет, да еще наделил его свободой, т. е. возможностью себя погубить, а затем, то ли в конце нашей личной жизни, то ли в конце судьбы мира, в конце времен, Бог нас будто бы ожидает и произнесет суд. Справедливо ли это? Мы не просились в существование, мы не просили той свободы, которую Он нам дал, – почему же мы должны односторонне отвечать за свою судьбу и за судьбу мира? Этот вопрос с такой резкостью мало кто ставит; но я его ставлю и ответ нахожу в Воплощении Слова Божия, Сына Божия.

Бог делается человеком. Он вступает в мир на началах человечества, Он на Себя берет не только тварность нашу, т. е. плоть, душу человеческую, ум, сердце, волю, судьбу, но Он берет на Себя всю судьбу человека в этом падшем, изуродованном мире, в страшном мире, где постоянно (порой даже торжествуя) так или иначе действуют зло, ненависть, страх, жадность, столько других пороков. Он входит в этот мир и берет на Себя все последствия не только Своего первичного творческого акта, вызвавшего из небытия мир и человека, – Он берет на Себя все последствия того, что человек сделал из этого мира. Он живет, чистый от всякой скверны, в мире, где на Него обрушивается все нечистое, все скверное, все развратное, все безбожное, все недостойное человека, потому что для падшего мира Он – вызов. Бога, Который на Себя берет такую судьбу, Который готов так заплатить за то, что Он нам дал бытие и свободу, – да, можно уважать. Он нас не пустил в жизнь, с тем чтобы мы расплачивались за нее, Он вошел в эту жизнь и вместе с нами Сам готов ее преобразить, изменить. Об этом все Евангелие говорит, и я не буду сейчас останавливаться на этом. Но если так себе представлять Бога, то понятно делается, что не напрасно Бог говорит о Себе в Книге Откровения устами апостола Иоанна Богослова: «...вот, Я все делаю новым»⁶.

И это относится не только к человеку, не только к обществу, это относится и ко всему творению. Воплощение можно назвать событием космическим, и вот в каком смысле. Плоть, которой облекся Бог, человеческое тело, которое было Его телом, состоит из того же вещества, что и вся вселенная. Вы, может быть, помните, что в начале Книги Бытия нам говорится о том, что Бог создал Адама, человека, взяв персть земную, т. е. самое основное, из чего можно творить. И Христос, став человеком, приобщился к самому коренному, что составляет творение. Всякий атом может себя узнать в атомах Его тела, всякая звезда, всякое созвездие может узнать себя по-новому в Его плоти, увидеть, чем атом и все то, что состоит из атомов, может стать, если только соединится с Богом, если только начнет сиять не естественным тварным своим светом, а Божественной славой. Это же так дивно! Представьте себе, что во Христе вся тварь – и человек, и все вещественное творение – может узнать себя во славе Божией. Разве это не новизна? Разве это не благая весть?

⁶ См.: Откр. 21:5.

Плоть, которой облекся Бог, человеческое тело, которое было Его телом, состоит из того же вещества, что и вся вселенная. <...> Всякий атом может себя узнать в атомах Его тела, всякая звезда, всякое созвездие может узнать себя по-новому в Его плоти.

И все это, как сила взрыва в атоме, содержится в двух наименованиях Христа Спасителя: *Эммануил*, что по-еврейски значит «с нами Бог», «Бог посреди нас», и *Иисус*: «Бог спасает».

Я могу вам вычитать из Послания апостола Павла маленький отрывок: *Явилась благодать Божия спасительная для всех человеков, научающая нас, чтобы мы, отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жили в нынешнем веке, ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, Который дал Себя за нас, чтобы избавить нас от всякого беззакония и очистить Себе народ особенный, ревностный к добрым делам* (Тит. 2: 11-14). Вот о чем идет речь, вот каков у нас Бог и вот каков Господь наш Иисус Христос. Вот почему апостол Марк, который пережил сам в себе перемену, которая его делает из земного – духовным существом, начал свою книгу словами, что это начало Благовестия, это начало такой благой вести, вне всякого сравнения с любой другой.

Об этой вести нам первым говорит Предтеча (т. е. предвозвестник), Иоанн Креститель. О его приходе уже возвещалось в Ветхом Завете, но взглянем на него глазами Нового Завета, взглянем на его личность. Молодой человек тридцати лет, на несколько месяцев старше Господа Иисуса Христа, отказавшийся от всего земного для того, чтобы с самых ранних лет уйти в пустыню, очистить себя от всякого влечения к нечистоте, к неправде, отдать себя Богу безвозвратно и до конца; подвижник, который ничего не знает и знать не хочет, кроме Бога, Его воли и той вести, которую он должен принести на землю. Эта личность нам представляется такой изумительно сильной. В чем эта сила? В том, мне кажется, что он настолько стал гибок в Божией руке, настолько прозрачен для Бога, что люди, встречая его, уже видели не Иоанна пророка, говорящего с ними о Боге. Он назван в Евангелии от Марка словами пророчества: *глас вопиющего в пустыне*. Люди слышали в нем только Божий голос, он сам как бы уже не играл никакой роли, он был рупором, он был Богом, говорящим через человека. Вот в этом его сила. Апостол Павел позже тоже должен был говорить от имени Божия; ему показалось, что у него никаких сил для этого нет, и он стал молить Бога, говоря: Господи, дай мне силу! – и Бог ему ответил: *Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи* (2 Кор. 12: 9).

Вот таким был Иоанн Креститель. Он всецело отдал себя Богу, и поэтому Бог в нем действовал, не он; он был подобен хорошо настроенному музыкальному инструменту, на котором гениальный композитор или исполнитель может играть так, что уже не замечаешь ни инструмента, ни композитора, ни исполнителя, – только пронизываешься тем переживанием, какое рождает в тебе звучащая мелодия.

А с другой стороны – какое смирение! Я уже упоминал, что, согласно Евангелию, Иоанн Креститель говорит о себе: «Я недостоин, нагнувшись, развязать ремень сапог Того, Который грядет за мной»⁷, – т. е. Иисуса Христа. С одной стороны, такая непостижимая, ничем не побеждаемая, не сокрушимая сила, а с другой стороны, сознание: я – только прозрачность, я – только голос.

О чем же говорит этот голос? Вот тут я хочу вам прочесть из Евангелия от Луки первую проповедь Иоанна Крестителя: *При первосвященниках Анне и Каиафе, был глагол Божий к Иоанну, сыну Захарии, в пустыне. И он проходил по всей окрестной стране Иорданской, проповедуя крещение покаяния для прощения грехов, как написано в книге слов пророка Исаии,*

⁷ См.: Мк. 1:7.

который говорит: глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему; всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими: и узрит всякая плоть спасение Божие⁸. Иоанн приходившему креститься от него народу говорил: порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева? Сотворите же достойные плоды покаяния и не думайте говорить в себе: отец у нас Авраам; ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму. Уже и секира при корне деревьев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь. И спрашивал его народ: что же нам делать? Он сказал им в ответ: у кого две одежды, тот дай неимущему; и у кого есть пища, делай то же. Пришли и мытари креститься, и сказали ему: учитель! что нам делать? Он отвечал им: ничего не требуйте более определенного вам. Спрашивали его также и воины: а нам что делать? И сказал им: никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованьем. Когда же народ был в ожидании, и все помышляли в сердцах своих об Иоанне, не Христос ли он, – Иоанн всем отвечал: я крещу вас водою, но идет Сильнейший меня, у Которого я недостойн развязать ремень обуви; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем. Лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу в житницу Свою, а солому сожжет огнем неугасимым. Многое и другое благовествовал он народу, поучая его (Лк. 3: 2-18).

Дальше я буду говорить о том, что является сердцевиной проповеди Иоанна Крестителя: о покаянии.

Имя *Иисус*, как уже было сказано, означает «Бог спасает». И Иоанн Креститель ясно указывает, от чего Бог нас спасает и каким путем можно приобрести это спасение. Бог спасает нас от греха, и путь к этому спасению – *покаяние*.

Но что же такое грех? Часто мы думаем о грехе как о нарушении добрых отношений с людьми. Но грех включает в себе гораздо больше, он опаснее, он страшнее. Вот несколько представлений о том, что такое грех; я их беру из Ветхого и, главным образом, из Нового Завета.

Грех является нарушением закона, но какого закона? – закона жизни. Жизнь в настоящем смысле слова возможна только через участие в жизни Самого Бога, так как Он является единственным необусловленным, самостоятельным источником жизни, лучше сказать: Он – сама жизнь. Оторваться от Него – значит вступить в область потускнения, вымирания и, наконец, самой смерти. Поэтому *грех есть беззаконие* (1 Ин. 3: 4).

Но не надо обманываться. Быть послушным закону не значит быть «законопослушным» в юридическом смысле этого слова, т. е. быть исполнителем правил, остающихся для нас внешними. Чтобы лучше это понять, мы можем сравнить то, что Ветхий и Новый Завет говорят нам о законе. Ветхозаветный закон, данный через Моисея на горе Синайской, состоит из большого числа разных правил, и те люди, которые придерживались этих правил, оставались им верными до конца в течение всей жизни, всю свою энергию, силу, волю отдавая на послушание этим правилам, могли считать себя праведниками. Богу нечего было с них спросить, потому что они выполнили каждую букву, каждое слово, сказанное Им в законе.

В Новом Завете Христос тоже дает нам заповеди, но отношение к ним иное, чем к ветхозаветным предписаниям: заповеди Христовы учат нас не как поступать, а какими быть; заповеди Христа – путь. Мы не можем относиться к ним рабски, повинаясь из страха или в надежде на награду. Путем заповедей Христовых мы вырастаем в общение, в глубокое, все более совершенное единство с Богом, приобщаемся Его совершенству и святости. Это значит то, что не исполнением приказов Божиих, а сроднением с тем, что апостол Павел называет ум Христов (1 Кор. 2: 16), сроднением с подходом, с пониманием Божиим мы можем спасти себя. А спастись – значит приобщиться к жизни Божественной. То, что нам представлено в Новом Завете

⁸ См.: Ис. 40: 3-5.

в виде законов, в сущности, не правила жизни, а указания на то, что должно бы в нас, в нашем сердце, в нашем уме быть движущей силой нашей жизни. Это не внешний закон, а описание «внутреннего человека»⁹. В этом отношении когда я говорю, что мы не можем спастись, если нарушаем закон жизни, то я говорю не о поступках, а о том, чтобы этот закон жизни стал действительно нашим существом и мы не могли иначе поступить, потому что уже приобщились к мысли, к замыслу Божию. Мы с Ним разделяем Его желание, любим то, что Он любит, — мы с Ним едины.

И это очень важно, потому что очень легко превратить новозаветные правила, которые нам дает Христос, в ветхозаветный закон, стать исполнителями, оставаясь как бы вне этого опыта. Я помню человека, который так воспринял Евангелие. Он считал себя чистым, светлым христианином. Он никогда не пропускал нищего, не позвав его и не дав ему тарелку супа и медную монетку; но он нищего никогда не пускал в дом. Он останавливал его в дверях и говорил: «Только не смей вступать твоими грязными башмаками в мой чистый коридор!» И когда тот кончал есть похлебку и получал грош, он говорил: «А теперь иди и не возвращайся ко мне, я тебе все дал, что тебе нужно!» Он считал, что он исполнил дело милосердия, — а в сердце у него никакого милосердия не было.

Вот в этом и заключается разница между исполнением закона в юридическом смысле слова и тем, чтобы стать человеком, для которого заповедь является зовом жизни: стать таким человеком, который иначе поступить не может.

Второе понятие о грехе, тоже очень важное и связанное с предыдущим, это оторванность от Бога. Мы только потому относимся к воле Божией как к внешнему закону, что мы от Бога оторваны сердцем. Эта оторванность нашего сердца от Бога, нашей воли от воли Божией, наших мыслей от мыслей и представлений Божественных и является основной нашей греховностью, тем состоянием полусмерти, потускнения, о котором я говорил раньше. Но грех развивается еще дальше, и из этого состояния оторванности рождаются и последствия ее: осиротелость, внутренний разлад, рознь с людьми, вражда с остальной тварью. И в этом отношении грех расплывается, приобретает бесконечное число разных оттенков: ненависти, страха, жадности, всех видов сосредоточенности на себе, — потому что мы потеряли Бога. В начале Евангелия от Иоанна говорится (в славянском переводе) о том, что Слово Божие было «к Богу»¹⁰. В греческом тексте говорится не о том, что Слово «к Богу», а о том, что Слово как бы рвется, тянется, всецело направлено на Бога и Отца. Таково должно быть настоящее отношение человека к Богу, образцом чего является Христос. Мы же оторваны от Него, и мы засыхаем, как сучок, который отрезан, отрублен, оторвался от дерева.

Третье, что я хочу сказать по поводу греха: нельзя утешаться мыслью, будто есть крупные и мелкие грехи. Конечно, разница есть; но и малый грех, если он произвольный, сознательно, цинично выбранный, может убить душу. В пример того, что может сделать мелкий грех, я приведу сравнение. Во время войны я был военным врачом, и в какую-то ночь с близкого уже фронта принесли в наше отделение тяжело раненного офицера, пробитого насквозь пулеметной очередью. Можно было ожидать, что ему остается только умереть. Но ему посчастливилось: ни один из жизненно важных органов не был затронут, его оперировали, лечили, он выжил. В ту же ночь меня вызвали, потому что привезли молодого солдатику. Он был в кабаке, повздорил с другим солдатом, оба были пьяны, тот размахивал маленьким перочинным ножом, ударил своего товарища в шею и разрезал у него крупный сосуд; когда раненого принесли в больницу, он был при смерти, его едва удалось спасти. Вот сравнение: что такое перочинный нож по сравнению с тяжелым пулеметом? А вместе с тем человек мог от него умереть.

⁹ См.: Рим. 7: 22.

¹⁰ См.: Ин. 1: 1.

То же бывает, если мы небрежно относимся к нашим греховным желаниям; нас тянет к греху, и мы этот «мелкий» грех начинаем любить и лелеять, так что наконец доходим до того, что совершаем его. В сравнении с этим крупный грех порой менее убийственный. Первый человек, который ко мне на исповедь пришел, был убийца. Сердце его было разбито покаянием, ужасом от того, что он сделал. Да, он потом отбывал срок в тюрьме, и это время в тюрьме было временем исцеления. Тогда как тысячи и тысячи людей живут в тумане мелких грехов, накапливают их, не замечая, как эти грехи их гноят, делают бессильными, безответственными. В этом отношении можно сказать: где бы ты ни перешел реку, как бы ты ее ни перешел – вброд, вплавь, по мосту, на лодке, – ты оказываешься на вражьей стороне, ты изменил своему подлинному призванию, именно изменил себе, потому что ты перестал быть цельным человеком. Вот разные подходы ко греху.

Я к этому еще вернусь в ином разрезе. Но теперь я хочу перейти к другому вопросу: к вопросу о том, как же избыть грех, что делать для этого.

Первое, о чем возвещает Иоанн Креститель, – это покаяние. Что же такое покаяние? Покаяние – с греческого это значит «поворот»: поворот души, поворот жизни. Это момент, когда мы осознаем свое бедственное положение, когда чувствуем отвращение к нему и к себе, когда вдруг рождается в нас, хоть зачаточно, решимость перестроиться, начать заново и по-новому жить. Вы, наверное, слышали фразу, которая взята из Нового Завета:

«вера без дел мертва» (см.: Иак. 2: 17). Плакаться – недостаточно, больше того – бесплодно. Покаяние заключается в том, чтобы прийти в сознание, принять решение и действовать соответственно. И тут я могу вам привести отрывок из поучения святого Тихона Задонского. Он советует одному молодому священнику говорить людям, что в Царство Божие идут большей частью не от победы к победе, а от падения к падению, но доходит до Царства Божия тот, кто после каждого падения, вместо того чтобы садиться у края дороги и плакать над собой, встает и идет дальше; и сколько бы раз он ни падал, каждый раз поднимается и идет. Вот о чем мы должны всегда помнить: что покаяния всецелого, мгновенного не бывает. Да, конечно, некоторые души, некоторые великаны духа могут вдруг осознать свою греховность и переменить сразу весь ход своей жизни, но мы большей частью исправляем его постепенно, шаг за шагом. Давайте помнить то, что святитель Тихон Задонский говорит: не плачься над собой, встань и иди, пусть в слезах, пусть в ужасе, но иди, не останавливаясь.

Первый человек, который ко мне на исповедь пришел, был убийца. Сердце его было разбито покаянием... и время в тюрьме было временем его исцеления. Тогда как тысячи и тысячи людей живут в тумане мелких грехов, не замечая, как эти грехи их гноят, делают бессильными.

Но что же может так потрясти душу, чтобы человек решился все изменить в своей жизни? Я вам могу привести несколько примеров. Первый: будучи тюремным священником в Лондоне, я встретил одного заключенного, у которого, не в пример другим, было радостное лицо, чувствовалась в нем какая-то надежда. Я сначала думал, что кончается его срок, но он только начинался. Я его спросил: «Откуда у тебя такое вдохновение?» Он ответил: «Вы этого не можете понять. Я с юности был вором, и вором талантливым; меня никто не мог словить, никто не сумел меня обличить. Но постепенно я начал понимать, что я на дурном пути. Я начал видеть последствия своих поступков, видеть, как люди, обокраденные мною, оплакивали драгоценные для них вещи, пусть безделушки, но такие вещи, которые им были дороги как воспоминания о детстве, о скончавшихся родителях. Я решил меняться. Но я заметил, что каждый раз, когда я делал попытку перемениться, люди на меня смотрели с подозрительностью: раз он меняется, значит, что-то неладное в нем... И я каждый раз возвращался к прошлому. А потом я был взят, меня поймали на деле, судили, посадили, и теперь все знают, что я был вором. И когда я

вернусь в свободную жизнь, я могу сказать: да, я был вором, но теперь я решил быть честным человеком, мне нечего скрывать ни от кого».

Это редкий случай, это не всякому удается. Редко кто среди нас вор; но кто из нас может сказать, что у него нет в жизни таких тайн, которые он хотел бы скрыть от других людей, – во всех областях, не только в порядке честности, но и в плане человеческих отношений. Я сейчас не хочу в это вдаваться, к этому мы вернемся по поводу какого-либо другого высказывания Спасителя Христа. Но каждый из нас может перед собой поставить вопрос: хватает ли у меня мужества себя обличить перед людьми? – даже не провозглашением своей неправды, а тем, что люди заметят, что я не такой, каким был.

Второй пример, который я хочу вам дать, сложный. Он относится к двум людям. Во время Гражданской войны одна русская женщина с двумя малолетними детьми оказалась в городе, который сначала был во власти Белой армии, потом попал под власть красных. Она была женой белого офицера и знала, что, если ее обнаружат, она, вероятно, будет расстреляна. Женщина с детьми спряталась в хижине на краю города. Спускались сумерки, и вдруг стук в дверь. С замиранием сердца она подошла, открыла ее – перед ней стояла молодая женщина ее же возраста, лет двадцати пяти. «Вы такая-то?» – спросила эта женщина. «Да». – «Вам надо немедленно уходить, вас выдали, за вами придут через несколько часов». Мать посмотрела на своих детей и сказала: «Куда же я пойду, они далеко уйти не могут, и с ними ведь меня сразу узнают». И эта Наталья, чужая женщина, вдруг стала тем, что Евангелие называет *ближним*, т. е. самым близким человеком в жизни и в смерти. Она сказала: «Нет, вас искать не станут, я останусь здесь и назовусь вашим именем». – «Но вас же расстреляют!» – «Да, – сказала Наталья, – но у меня-то детей нет». И мать ушла с детьми. Наталья осталась. Ранним утром, на рассвете, она была расстреляна. Я близко знал и мать, и двоих детей, которые были приблизительно моих лет. Они мне говорили: «Поступок Натальи нам показал, что мы должны так прожить, чтобы оказаться достойными этой жертвы». Преждевременная смерть молодой женщины, дарование им жизни – подарок неизвестной Натальи – потряс их до глубин, они всю жизнь прожили только с одной мыслью: чтобы смерть Натальи не лишила мир того величия, той правды, той неопишуемой духовной красоты, которая была в ее душе. Они были так потрясены, что для них началась новая жизнь.

И те люди, которые встречали Иоанна Крестителя, встречались не только с его силой (я уже об этом говорил), с его прозрачностью, которая делала его только гласом Божиим, или с его смирением; они встречались с бескомпромиссностью в его лице, с человеком радикальной цельности. Видя его, они могли себя сравнить с тем, что он собой представлял, и это было для них побуждением каяться, т. е. увидеть с ужасом свое бедственное состояние и решить: таким, такой я жить больше не могу. Я видел, я видела нечто, что уже положило конец прошлой моей жизни, теперь должно начаться новое.

Зачем Христу креститься?

Продолжим чтение Евангелия от Марка:

И было в те дни, пришел Иисус из Назарета и крестился от Иоанна в Иордане. И когда выходил из воды, тотчас увидел Иоанн разверзающиеся небеса и Духа, как голубя, сходящего на Него. И глас был с небес: Ты Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение (Мк. 1: 9-11).

Рассказ, как видите, очень схематический и короткий, и я его восполню отрывком из Евангелия от Матфея, где дано более полное описание того, что совершилось:

Тогда приходит Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну креститься от него. Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду. Тогда Иоанн допускает Его. И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, – и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. И се, глас с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение (Мф. 3: 13-17).

Я хочу сказать нечто о крещении Иисуса Христа.

Люди приходили к Иоанну креститься, исповедуя свои грехи. Они приходили к Иоанну, потрясенные его проповедью, тем, что есть правда на земле, что есть правда небесная, что есть суд на земле, суд совести, а в вечности – суд Божий; и что тот, кто не примирится со своей совестью на земле, безответным станет перед судом Божиим. Иоанн Предтеча говорил о покаянии именно в этом смысле: обратитесь к Богу, отвернитесь от всего того, что вас пленяет, что вас делает рабами ваших страстей, ваших страхов, вашей жадности. Отвернитесь от всего того, что недостойно вас и о чем ваша совесть говорит вам: нет, это слишком мало, ты слишком большое существо, слишком глубокое, слишком значительное, для того чтобы просто предаться этим страстям, этим страхам... Но можно ли сказать нечто подобное о Христе? Мы знаем, что Христос был Сын Божий не только в каком-то переносном смысле слова, но в самом прямом смысле этого слова. Он был Бог, Который облекся в человечество, воплотился. *Вся полнота Божества*, как говорит апостол, в Нем обитает телесно¹¹; и можно ли себе представить, что человеческое существо, пронизанное Божеством, как железо бывает пронизано огнем, может одновременно быть грешным, т. е. холодным, мрачным? Конечно, нет; и поэтому мы утверждаем, мы верим, мы **знаем** опытно, что Господь наш Иисус Христос и как человек был безгрешен, а как Бог – во всем совершенен. Зачем же Ему было креститься? Какой в этом смысл? Этого Евангелие не объясняет, и мы имеем право задавать себе вопросы, и мы имеем право недоумевать, мы имеем право глубоко задуматься над тем, что это значит.

Вот объяснение, которое мне когда-то дал пожилой протестантский пастор Южной Франции. Я тогда был молод и ставил ему этот вопрос; и он мне отвечал: «Знаешь, мне представляется, что, когда люди приходили к Иоанну, исповедовали свои грехи, свою неправду, всю свою нечистоту душевную и телесную, они как бы символически ее омывали в водах реки Иордана. И его воды, которые вначале были чисты, как всякие воды, постепенно становились оскверненными водами (как, знаете, в русских сказках говорится, что есть воды мертвые, воды, которые потеряли свою жизненность, которые могут передавать только смерть). Эти воды, насыщенные человеческой нечистотой, неправдой, человеческим грехом, человеческим безбожием, постепенно становились мертвыми водами, способными только убивать. И Христос в

¹¹ См.: Кол. 2:9.

эти воды погрузился, потому что Он хотел не только стать человеком совершенным, но хотел, как совершенный человек, понести на Себе весь ужас, всю тяжесть человеческого греха.

Он погрузился в эти мертвые воды, и эти воды передали Ему мертвость, смертность, принадлежавшую тем людям, которые согрешили. Эти воды несли в себе смерть как оброки греха, т. е. *возмездие за грех* (Рим. 6: 23). Это момент, когда Христос приобщается – не греху нашему, а всем последствиям этого греха, включая самую смерть, которая, в каком-то отношении, ничего общего с Ним не имеет, потому что, как говорит святой Максим Исповедник, не может быть, чтобы человеческое существо, которое пронизано Божеством, было смертным. И действительно, церковная песнь, которую мы слышим на Страстной седмице, говорит: *О Свет, как Ты потухаешь? О Жизнь вечная, как Ты умираешь?..* Да, Он – вечная жизнь, Он – свет, и Он потухает нашей темнотой, и Он умирает нашей смертью. Поэтому Он и говорит Иоанну Крестителю: оставь, не препятствуй Мне погрузиться в эти воды, нам надо исполнить всю правду – т. е. все, что справедливо, все, что должно быть сделано для спасения мира, должно нами быть сейчас исполнено.

Но почему же тогда Он приходит на воды крещения тридцати лет, а не раньше или не позже? Тут снова можно задуматься над тем, что это могло значить.

Когда Бог стал человеком в утробе Божией Матери, был совершен односторонний акт премудрости и любви Божией. Телесность, душевность, человечество рождающегося Христа были как бы взяты Богом без того, чтобы они могли воспротивиться. На это дала согласие Божия Матерь: «Вот, Я Раба Господня, пусть будет Мне по слову твоему»¹². И родился Ребенок, который был в полном смысле человеком, т. е. самовластным, с правом выбора между добром и злом, с правом выбора между Богом и Его противником. И в течение всей жизни – детства, юности, более взрослых лет – Он созрел в полной Своей отдаче Богу. По Своему человечеству, как человек Он принимал на Себя все то, что Бог на Него возложил через веру Божией Матери, через Ее отдачу Себя и Его. И Христос пришел креститься в этот момент, чтобы и как человек взять на Себя все, что на Себя взял Бог, Сын Божий, когда в Предвечном Совете Он принял решение сотворить человека, и – когда этот человек падет – понести все последствия Своего первичного акта творения и того страшного дара свободы, который был дан человеку. В славянском тексте Ветхого Завета, в пророчестве Исаии о Христе говорится, что от Девы родится Младенец, Который, раньше чем сумеет отличать добро от зла, выберет добро, потому что и в человечестве Своем Он совершен¹³.

Когда люди приходили к Иоанну, исповедовали... всю свою нечистоту душевную и телесную, они как бы символически ее омывали в водах реки Иордана. <...> И Христос в эти воды погрузился, потому что Он хотел понести на Себе весь ужас человеческого греха.

И вот этот Человек Иисус Христос, возрастая до полноты Своего человечества, полностью берет на Себя то, что возложил на Него Бог, что возложила на Него вера Пречистой Девы Богородицы. Погружаясь в эти мертвые воды иорданские, Он, как чистый лен, погружаемый в красильню, вступает белоснежным и выходит, как говорится у того же Исаии, в окровавленной одежде, в одежде смерти, которую Он должен на Себе понести.

Вот о чем говорит нам крещение Господне: мы должны понять, какой подвиг заключен в нем, какая любовь к нам. И перед нами ставится вопрос – не впервые, а снова и снова, настойчиво: как же мы ответим на это?

¹² См.: Лк. 1:38.

¹³ См.: Ис. 7: 16.

Искушение силой, властью и чудом

После того как Спаситель был крещен, Дух ведет Христа в пустыню:

Немедленно после того Дух ведет Его в пустыню. И был Он там в пустыне сорок дней, искушаемый сатаной, и был со зверями, и Ангелы служили Ему (Мк. 1: 12-13).

Это чрезвычайно сжатое описание события, которое, включая в себя целых сорок дней, было, конечно, гораздо более богато содержанием. Но мы должны помнить, что евангелист Марк писал тогда, когда евангельская проповедь очень широко разлилась, и поэтому он коротко говорит о том, о чем уже говорили многие до него. В восполнение этого текста вот более подробный рассказ из Евангелия от Луки: *Иисус, исполненный Духа Святого, возвратился от Иордана и поведен был Духом в пустыню. Там сорок дней Он был искушаем от диавола и ничего не ел в эти дни; а по прошествии их напоследок взалкал. И сказал Ему диавол: если Ты Сын Божий, то вели этому камню сделаться хлебом. Иисус сказал ему в ответ: написано, что не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим¹⁴. И, возведя Его на высокую гору, диавол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени, и сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их; ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее. Итак, если Ты поклонись мне, то все будет Твое. Иисус сказал ему в ответ: отойди от Меня, сатана; написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи¹⁵. И повел Его в Иерусалим, и поставил Его на крыле храма, и сказал Ему: если Ты Сын Божий, бросься отсюда вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе сохранить Тебя; и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею¹⁶. Иисус сказал ему в ответ: сказано: не искушай Господа Бога твоего¹⁷. И, окончив все искушение, диавол отошел от Него до времени. И возвратился Иисус в силу Духа в Галилею; и разнеслась молва о Нем по всей окрестной стране (Лк. 4: 1-14).*

Я думаю, что нам надо внимательно вдуматься в то, что представляет собой это искушение, потому что совершившееся со Христом в пустыне совершается временами с каждым из нас. Конечно, не в такой обстановке, не с такой выпуклостью, не так резко, однако это бывает. Всякий из нас в какие-то мгновения вдруг чувствует, что в нем открылась глубина, которой он не подозревал, что в нем разверзлись такие силы, о которых он не имел понятия, что ему море по колено, что все ему возможно, что он готов сразиться со всем злом мира, готов строить только добро. И в этот момент мы, как и Христос, находимся перед лицом искушения **силой**. Диавол сказал Христу: *если Ты Сын Божий...* – т. е.: «Докажи, что Ты Сын Божий! Ты в Себе чувствуешь такую громадную силу, на Тебя сошел Святой Дух, все Твое человечество трепещет полнотой своего бытия, – докажи это. Вот Ты проголодался. Сорок дней Ты постился, разве Ты не имеешь теперь власти над всем сотворенным? Смотри, вокруг Тебя камни лежат, возьми хоть один из них, прикажи ему стать хлебом и насыться». Разве это не то, что случается с нами, когда мы чувствуем в себе какой-то подъем силы и, однако, мы в какой-то нужде; нельзя ли эту силу, которая чисто духовна, употребить для удовлетворения настоящей, насущной нужды? Разве я должен умереть с голоду, когда имею возможность что-то сделать этой силой? Иисус отвечает: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим». А слово Божие – это не заповедь, это то животворное слово, которое Бог произносит, когда каждого человека

¹⁴ См.: Втор. 8: 3.

¹⁵ См.: Втор. 6: 13.

¹⁶ См.: Пс. 90: 11-12.

¹⁷ См.: Втор. 6: 16.

вызывает из небытия в бытие, это то слово, которое нас держит, благодаря которому мы существуем, благодаря которому мы живы и можем вырасти в полную меру нашего существа. Христос отверг унижение этой Божественной силы в Себе ради жалкого удовлетворения Своей нужды: меньше, чем на служение Богу, меньше, чем на служение людям, такую силу нельзя употребить.

Совершившееся со Христом в пустыне совершается временами с каждым из нас. <...> Всякий из нас вдруг чувствует, что в нем открылась глубина, которой он не подозревал.

И побежденный диавол предлагает Ему другое искушение. «Ты не захотел для Себя одного употребить эту силу, – пойдй со мной, вот высокая гора; с этой горы я Тебе покажу все царства вселенной, Ты одним взором их окинешь и все увидишь; и я Тебе дам власть над всеми этими царствами, всю славу их. Она мне предана, кому хочу, тому даю их. Ты только мне поклонись – и тогда все будет Твое». Разве это не соблазн, который и к нам приходит? Никто нам царствия не предлагает, никто нам особенной славы не предлагает, но как часто вкрадывается в нашу мысль: если ты то, чем ты себя теперь ощущаешь, разве ты не имеешь права власти над другими людьми, разве ты не имеешь права распоряжаться ими? Почему бы тебе эту громадную силу не использовать для добра? Это искушение антихристово, и от этого искушения Христос отрекся: «Господу Богу твоему поклоняйся, Ему одному служи». Это искушение властью: властью поработить других, т. е. стать тем, чем антихрист станет: прислужником сатаны, его властью превращающим в рабов всех тех, которые не станут перед ним подобно Христу и не скажут: «Богу твоему поклоняйся, Ему одному служи!»

И третье искушение. Диавол взял Христа на крыло храма со словами: «Если Ты Сын Божий, бросься вниз; ведь Священное Писание обещает, что Тебя поддержат ангелы, что ничего с Тобой не случится. Порази людей чудом, докажи им, что Ты Сын Божий, что Ты можешь делать то, чего никто не может сделать!» Как часто и нам хотелось бы совершить чудо – не для того, чтобы подкупить людей, не для того, чтобы они пали перед нами на колени, а для добра: если бы только я мог совершить чудо, излечить этого человека, которого я люблю! Если бы только я мог сотворить чудо и избавить родину от порабощения!.. И тут нам тоже надо, как Христос, сказать: «Не искушай Господа Бога твоего».

Так что эти искушения, которые кажутся относящимися только ко Христу, относятся прямо, непосредственно к нам. Искушение силой: ты голоден, ты в нужде – употреби же свою силу на то, чтобы избавиться от этого... Искушение властью: разве у тебя нет возможности быть господином всего и всех и каждого? И наконец – искушение чудом.

Хочу обратить ваше внимание еще на одно обстоятельство. В Евангелии сказано, что сатана отошел *до времени*. До какого же времени?

Все то, что здесь описано, это искушение силой. Когда же придет искушение бессилием, немощью, страхом? Это мы увидим позже, сейчас я только упомяну об этом. Когда Христос на пути в Иерусалим, где Он должен был быть распят, начал говорить Своим ученикам о том, что Ему надлежит умереть для того, чтобы исполнить Свое призвание, апостол Петр к Нему подошел и сказал: «Не дай этому случиться, пожалей Себя, пожалей, согласишься на немощь, сдайся, только оставайся живым!»¹⁸ Это – искушение слабостью. Это последнее искушение, которое Христос должен был победить, потому что такое искушение возможно только перед лицом предельного ужаса, отвержения людьми, потери единства (я говорю о Его человечестве, о психологическом Его состоянии) с Богом: *Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?* (Мк. 15: 34) – и реальной смерти Того, Кто есть Жизнь вечная, как бы совлечение самой жизни Тем, Кто есть сама Жизнь. Это было предельное и страшное Его искушение.

¹⁸ См.: Мк. 8: 31-33.

Иоанн Креститель: не ошибся ли я?

Далее, в середине первой главы мы читаем:

После же того, как предан был Иоанн, пришел Иисус в Галилею, проповедуя Евангелие Царствия Божия и говоря, что исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие (Мк. 1: 14-15).

Я хочу остановить ваше внимание на этом маленьком отрывке. Первый вопрос, который перед нами встает, это вопрос о том, что случилось с Иоанном Крестителем. Мы его видели в прошлых беседах в полной силе, провозглашающим покаяние, превращающим грешников в людей, которые если не праведны, то хотят праведности, ищут ее, отрекаются от зла. Теперь мы видим, что он был *предан*. Что же с ним случилось?

Случилось то, что его проповедь оскорбила власть имущего, местного властителя. Иоанн его упрекал в том, что жизнь его безнравственна, что он не имеет права жить так, как живет, — и Иоанн был взят в тюрьму. Разве это не случается каждый день с людьми, которые восстают против тех, у кого есть власть и кто не хочет слышать голоса своей совести? Разве мы не поступаем — каждый из нас в свою меру, пусть малюсенькую, — с нашей совестью так, как поступили с Иоанном Крестителем? Он был взят в тюрьму, был осужден на смерть и погублен.

Но до этого случилось нечто очень страшное. Ведь вы понимаете, кто такой Иоанн Креститель. Это человек, о котором Евангелие говорит, что он *глас вопиющего в пустыне*, что он Божий голос, как бы звучащий через человека, что он настолько сроднился с тем, что имел сказать, что люди слышали только Бога, говорящего его устами. И вот он взят в тюрьму, ожидает своей смерти, и вдруг на него находит сомнение. Как могло это случиться?

В Евангелии нам ясно рассказано, как он позвал двух своих учеников и послал их ко Христу Спасителю спросить: «Ты ли Тот, Который послан, или нам ожидать другого? Ты ли Тот, Кого я провозвещал? Ты ли Тот, Который пришел спасти мир? Ты ли мой Бог, ставший человеком? Если так, то я с радостью свою жизнь отдаю. Но вдруг я ошибся, вдруг Ты не Тот, — что же тогда я сделал? Молодость погубил, жизнь погубил; все мое благовестие было ложью». И Христос ему дает ответ, который действительно достоин величия самого Иоанна. Он ему не отвечает: «Не бойся, Иоанн, ты не ошибся, Я именно Тот, Которого ты проповедовал». Христос, собственно, ему ничего не говорит. Он говорит ученикам Иоанна: *Пойдите, скажите Иоанну, что вы видели и слышали: слепые прозревают, хромые ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат, мертвые воскресают, нищие благовествуют; и блажен, кто не соблазнится о Мне!* (Лк. 7: 22-23) У величайшего пророка, человека несокрушимой веры Христос не отнимает подвига веры. Он как бы требует от Иоанна верности до конца тому, что ему таинственно сказал Бог в глубинах его души. Христос ему не доказывает ничего, Он требует от Иоанна предельного доверия. Человек, больший всех когда-либо приходивших на землю, человек, который так отдался с ранних лет Богу, что стал только голосом Божиим, который ни одной неправды не сказал, который души переворачивал своим словом, который жизни новые творил из старых, перед лицом собственной смерти вдруг усомнился — не ошибся ли я? — и до конца остался верным. Это нас учит, как относиться к Иоанну Крестителю, но не только: учит, как нам самим поступать, когда от нас требуется верность тому, что мы знаем, верность той правде, которая прозвучала в нашем сердце, озарила наш ум, вдохновила нас на подвиг. Когда требуется от нас эта верность, разве не может нам случиться заколебаться? Но если мы победим колебание доверием, подвигом, то окажемся достойными учениками предвестника Царствия Божия — Крестителя Иоанна.

И вот, после того, как предан был Иоанн, Иисус возвращается из пустыни искушения в Галилею и проповедует, как говорится в тексте, *Евангелие Царствия Божия*, т. е. благую весть о том, что Царство Божие в продвижении, что оно идет, что оно не только ожидается, но что оно уже тут. Иоанн говорил, что *исполнилось время и приблизилось Царствие Божие*, что полнота времени настала и обещанное Богом в Ветхом Завете сейчас уже исполнилось и исполняется. Исполнилось тем, что Сын Божий стал Сыном человеческим, и исполняется тем, что вокруг Него собираются верующие, способные услышать Его слово и узнать в Нем воплощенного Сына Божия.

Человек, больший всех когда-либо приходивших на землю, человек, который так отдался с ранних лет Богу... который души переворачивал своим словом, который жизни новые творил из старых, перед лицом собственной смерти вдруг усомнился – не ошибся ли я?

А путь Он указывает тот же самый, что указывал и Иоанн: *покайтесь и веруйте в Евангелие*, т. е. в благую весть о пришедшем Спасителе: оторвитесь от плена земного, взгляните в глубины Священного Писания, взгляните в Меня, и сможете веровать в благую весть о том, что исполнилось время ожидания, наступило время исполнения спасительных обетований Божиих.

В беседе об искушениях Христа в пустыне я уже говорил о том бедственном состоянии, в котором мы находимся, пока не стали твердо на почву веры и верности Богу, и когда все в окружающем мире нас манит, тянет, влечет к себе – одним словом, искушает. И теперь я хочу поднять вопрос о том, как нам поступать. Потому что хотя мы и читали в Евангелии ответ Христа на искушение, но к нам приходит искушитель не с такими резкими вопросами, а исподволь, ставя вопрос так, что мы можем его не заметить и впасть в искушение раньше, чем успели его распознать. Я хочу на этот вопрос ответить несколькими примерами.

Во-первых, есть место у одного из отцов-аскетов, где он описывает, как искушение постепенно, словно ржавчина, въедается в нас. Он дает забавный пример. Он говорит, что искушитель подходит к нам, как продавец заячьих шкурок приходит к хозяйке. Он стучится в дверь. Она открывает. «Не хотите ли купить заячью шкурку?» Если она мудрая, она скажет: «Нет!» – и захлопнет дверь. Если же она не мудрая, она скажет: «А какие у тебя шкурки, покажи?» В тот момент, когда она начала смотреть шкурки, она уже начинает пленяться. Затем она спросит: «А за сколько эти шкурки ты продаешь? Они мне, правда, не нужны, но мне интересно знать». – «За столько-то». – «Ох, дорого!» – «Я готов снизить цену». И так начинается разговор между женщиной, которая и не думала об этих совершенно ей ненужных заячьих шкурках, и ловким продавцом, который сначала их покажет, потом поманит, потом цену спустит и, наконец, продаст.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.